Маркерами исторического времени в сжатом времени текста являются: *1945 (год), по сей день, раньше*. Описываемые события охватывают большой период жизни Набокова: начиная с детских воспоминаний до дней эмиграции, где он уже «*позабыл родную речь*».

В сентенционном типе речи (СТР) время текста затягивается, в то время как время событийное стремится к нулю («вечности»). Это позволяет понять высказывание В.В. Набокова в одном из интервью, где он подчеркивал, что «память, как и творческая фантазия, отменяет время» [цит. по 10, с. 16]. СТР реализуется в качестве авторских отступлений обобщенного характера, отличается «строгими грамматическими формами высказывания» (сложноподчиненные с придаточными обусловленности, обобщенно-личные предложения и др.) [4, с. 76]:

И вот еще соображение: сдается мне, что в смысле этого раннего набирания мира русские дети моего поколения и круга одарены были восприимчивостью поистине гениальной, точно судьба в предвидении катастрофы, которой предстояло убрать сразу и навсегда прелестную декорацию, честно пыталась возместить будущую потерю, наделяя их души и тем, что по годам им еще не причиталось.

Набоков обладал пластическим ощущением времени. Во многом благодаря функционально-композиционному варьированию МСВ, тема памяти получает развитие в разных формах его воплощения. Сближение предложения и текста – не частная идиостилевая черта, а симптоматичный показатель развертывания современного прозаического дискурса. МСВ имеют разные стимулы функционирования в современной прозе Т. Толстой, Л. Улицкой, В. Маканина, В. Пелевина, Д. Рубиной и др. (как с ориентацией на модель предложения, так и сложного тематического целого):

А она заслужила право на счастье, она имела все основания занять очередь туда, где его выдают: лицо у нее было белое и красивое, брови широкие, черные гладкие волосы низко начинались на висках, и сзади – пучок (Т. Толстая «Поэт и муза»).

Функционально-композиционная интерпретация МСВ позволяет глубже понять не только художественное своеобразие повести В.В. Набокова «Другие берега», но и тенденции развития современной русской прозы.

Литература

1. *Битов, А.* Ясность бессмертия. Смерть как текст / А. Битов // В.В. Набоков: PRO ET CONTRA. Т. 1. – СПб, 1997. – С. 12 – 27.

2. *Виноградов, В.В.* Проблема автора в художественной литературе / В.В. Виноградов // О теории художественной речи. – М., 1971.

3. *Гаврилова, Г.Ф.* Усложненное сложное предложение в русском языке / Г.Ф. Гаврилова. – Ростов н/Д, 1979.

4. *Ильенко, С.Г.* Русистика / С.Г. Ильенко. – СПб., 2003.

5. *Калашникова, Г.Ф.* Многокомпонентные сложные предложения в современном русском языке / Г.Ф. Калашникова. – Харьков, 1979.

6. *Мартьянова, И.А.* Кинематограф русского текста / И.А. Мартьянова. – СПб, 2011.

7. *Мартьянова, И.А.* Континуальность современного текста: «возвращение» в структуру сложного предложения / И.А. Мартьянова // Дискретность и континуальность в языке и тексте: Материалы Международной конференции «Континуальность и дискретность в языке и речи. Язык как живая система в исследовательских парадигмах современной лингвистики» 15 – 16 октября 2009 г. / под ред. Т.А. Трипольской. – Новосибирск, 2009. – С. 144 – 154.

8. Многокомпонентные сложные предложения в современном русском языке / под ред. А.В. Андрусенко. – Комсомольск-на-Амуре, 1994.

9. *Набоков, В.В.* Лекции по зарубежной литературе. – М., 1977.

10. *Набоков, В.В.* PRO ET CONTRA. – М., 1997. – Т. 1.

УДК 82. 0 (470)

М.Н. Кузьмина

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Г.Ю. Филипповский

ПРАВОСЛАВНЫЙ ЭЛЕМЕНТ В ПОЭЗИИ ЯРОСЛАВСКОГО ПОЭТА К. ВАСИЛЬЕВА КАК ПОЭТА-ПОЧВЕННИКА

Автор статьи рассматривает творчество Константина Васильева как поэта «почвенного» направления в свете традиций русской христианской философии, вследствие чего основными темами его поэзии являются тема родной земли и православной веры. К. Васильев собственное православное мировосприятие, пронесенное через бездуховное советское прошлое и лишенное ориентиров настоящее, выражает в своей поэзии через активное использование церковной лексики, символики, библейских сюжетов, неизменно обращаясь к идее духовного единения народа.

Поэт «почвенного» направления, тема родной земли и православной веры, православное мировосприятие, церковная лексика, нравственные заповеди христианства.

This article considers Konstantin Vasiliev's works as a poet of nationalistic school in traditions of Russian Christian philosophy. The theme of native land and Christian faith are considered to be the main themes of his poetry. K. Vasiliev expresses his orthodox

world-view in the poetry through the active use of church vocabulary, its symbolism and biblical plots. He constantly turns to the idea of spiritual unity of the people.

Poet of nationalistic school, the theme of native land and Christian faith, orthodox world-view, church vocabulary, Christian commandments.

Для исторически сложившегося русского сознания характерно православное познание мира, православное осмысление судеб человечества и человека как приготовление к жизни будущего века. Бесспорен факт формирования русской литературы в лоне православной культуры и литературы, в которых темы родной земли и православной веры неразрывно связаны между собой. Не случайно И. Роднянская отмечает, что «почитание земли в русской культуре давным-давно христианизировано» [6, с. 55]. Православное миросознание создает те предпосылки, которые характерны для русского человека в его исторически сложившихся, глубинных, сокровенных отношениях к миру. Поэтический талант поэтов-почвенников, например, Н. Рубцова, проник в ту систему восприятия и художественного воплощения действительности, которая и была близка православному мировоззрению:

Спасибо, скромный русский огонек,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далек,
За то, что с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь как добрая душа,
Горишь во мгле – и нет тебе покоя [8, с. 97].

Традицию русской христианской философии поэты-почвенники XX в. развивают, широко используя библейские сюжеты, символику, обращаясь к мотивам странничества, к идее духовного единения (христианской соборности). В миропонимании поэтов не было глубинной канонической веры. Их «советское», внецерковное православие воспринято через русский язык и национальную культуру, что, однако, не умаляет духовной силы их поэзии. Безусловно, в этом отразилось влияние исторического прошлого нашей страны на собственный народ. Данная тенденция присуща в полной мере и творческой манере Константина Васильева, который родился в п. Борисоглебском Ярославской области 1955-м году и формировался как творческая личность в «застойные» семидесятые. Это отличает поэтов второй половины XX в. данного направления, например, от С. Есенина и Н. Клюева.

Н. Клюеву был близок христианский мир, но его «деревня» не причастна к настоящей Святой Руси. Наряду с Православием и на одной ступени с ним, если не выше, поэт поставил «дохристианские» и «около христианские» ценности, которые никак не могли выражать народного идеала. Ориентирами в духовном пути Н. Клюева стали: интернационализм, язычество, сектантство, мистическая оценка своей личности, что и отразилось в лирике. Поэтому нельзя не согласиться с отзывом В. Брюсова, написанным в 1920 г.: «Полу-крестьянин, полу-интеллигент, полу-начетчик, полу-раскольник…» [9, с. 64].

Христианское сознание С. Есенина развивалось стихийно, возникло как бы само собой, являясь зеркальным отражением того, что Ю. Прокушев назвал «мужественная, самозабвенная любовь к России, кровная связь с народной жизнью» [5, с. 17]. Православное мироощущение по-разному, но мастерски, глубинно нашло отражение в творчестве поэтов-почвенников XX в., в т.ч. К. Васильева.

Лирике К. Васильева в целом присуще христианское миропонимание: он мыслит категориями «ад» – «рай», «небо» – «земля», «грех» – «расплата».

Дорога в ад берет начало
У райских врат… [1, с. 16].

Константин Васильев не был крещеным человеком не по тому, что не верил в существование Бога, а потому, что не принимал институт церкви, рассматривая его как репрессивный аппарат. Он не терпел никакого насилия над собой, потому и был часто неприкаянным (работал в пожарной команде ради возможности выживать и писать). Поэтому его лирический герой болезненно нуждается в молитве, хотя убежден, что в Бога «не верует». Поэт воспринимает Бога как творца мира и главного судью:

Ведь я всего лишь звук пустой…
Права последней правотой,
Толпа себя же втопчет в землю.
Да ладно, Бог нам всем судья…
Из личного небытия
Я сам ничьим словам не внемлю [1, с. 71].

В его стихотворениях часто встречается образ ангела, непорочного глашатая божьей воли, человеческого защитника перед злыми, черными силами.

Но не нужна живая песня
Тому, кого сейчас убьют…
Земля горит. В холодной бездне
Немые Ангелы поют [1, с. 72].

Слова «рай», «ад», «Бог», «дьявол», «ангел» частотные. В них первооснова не только нашего мира, но и весь космос.

Ответами становятся вопросы,
Кометою становится зерно,
За мною ходит Бог длинноволосый,
Со мною лысый Дьявол пьет вино [1, с. 41].
Под небом некому беречь нас,
Нас некому терзать в Аду.
Для нас не существует Вечность,
Объемлющая пустоту [1, с. 43].

Поэтому поэт активно использует прилагательные «святой» и «небесный»:

И сколько вылито словес
Помойных – в души!
… И надо мной Небесный лес
Шумит все глуше…[1, с. 85].

Не случайно поэт открыто декларирует свое отношение к вопросу о выборе Веры:

Язычником я не умею стать,
Но эта красота, и тишь, и гладь,
И мощь, себя познавшая не сразу, –
Все это мне родной земли родней…
Так погружаю в греческую вазу
Я северную розу без корней [1, с. 36].

Христианское мировосприятие К. Васильева проявилось также в двух моментах. Во-первых, это описание внешнего убранства церкви (купола, кресты, лепнина), и это всегда приметы родного поселка:

Вода и камень, дерево и воздух,
И небо августа в зеленых звездах,
И ничему нет меры и числа,
И разве только – эти купола, –
Пятнадцать их; а было девятнадцать.
Но сами на себя должны равняться,
И сами сохранять себя – и нас…
И, вероятно, не в последний раз.
Но эта древнерусская аскеза –
Вода и воздух, камень и железо,
И дерево, и колокольный звон –
Все пролетает, словно странный сон,
И контуры мифической эпохи
Не совпадают с нашим чертежом…
И звонница, застыв на полувздохе –
Молчит, и только мы тревогу бьем [1, с. 61].

Поэт Васильев определяет собственное время по христианским праздникам. Так, например, название одного из сборников стихотворений у него носит название «Покров». Единственный церковный праздник, о котором не упоминает Васильев, – это Пасха, суть этого таинства заменена у поэта словом «воскресение», которое становится у него синонимом вечности:

Остановись, замри, воскресни!
Теперь небес огонь и лед
В тебе самом; а время песни
Не все равно ль когда придет…[1, с. 95].

Остальные – это циклы рождения и развития микромира (человек) и макромира (вселенная).

Все восстановится, ежели
Грянет мороз Рождества! [1, с. 215].
О ночь морозная Крещенья…
Из тепленького помещенья
Я в звездную спускаюсь тьму... [1, с. 31].

Во-вторых, это проповедование нравственных заповедей христианства: не убий, не лжесвидетельствуй и т.д. без нарочитого дидактизма: это показ единственного пути Человека, желающего иметь чистую совесть. При этом к себе К. Васильев особенно строг.

Духовной пищи нищие не ищут,
Они духовно не беднее нас.
А мне – что делать мне на пепелище
Моей души, когда огонь погас?

Жить подаяньем? – все мы не богаты… [1, с. 54].

В обоих случаях поэт выступает в роли тонкого, но стороннего наблюдателя. Он лишь созерцает церковные купола, считая себя грешным, чтобы войти внутрь, к тому же он поэт:

Я грешен, ибо я пишу стихи… [1, с. 8].

Тема греха и расплаты раскрывается не только в стихотворениях К. Васильева о поэте и творчестве, она связана также с неизбежной греховностью земного бытия человека. Но грех можно выстрадать, и тогда тот будет прощен; хотя некоторые из них не имеют срока давности и прощения. Грех – это утяжеление совести, лишний груз в не менее тяжкой жизни. Получается, что человеческая жизнь обречена быть греховной, и от каждого из нас зависит, окажемся ли мы способны преодолеть земное притяжение или только уповать на собственную слабость, констатируя собственное бессилие:

Как тяжелы грехи!
Как совесть нечиста!
А третьи петухи
Поют, горит звезда… [1, с. 84].

Не случайно и частое использование в поэзии образа хлеба (тело господне), который является и символом чистоты и безгрешности:

А на земле
Мир перемешан:
Хлеб на столе –
Чист и безгрешен [1, с. 161];

и символом постоянного присутствия Бога (звезды поэт сравнивает с хлебными крошками):

Каждый вздохнет о своем –
Всем полегчает немного.
Все мы себя узнаем
В образах, данных от Бога.
С неба стряхнуть не хочу
Звездные хлебные крошки, –
Что они! Вижу свечу
В том, через поле, окошке [1, с. 86 – 87].

Православное миропонимание наших предков не было убито и не растворилось в советской идеологии, не было вытравлено из наших генов, поэтому мировоззрение поэта и человека Константина Васильева в эпоху, лишенную ориентиров, оказывается понятным и близким многим его современникам, которым импонирует мнение поэта А. Романова: «Может, Россия и существует только в неистовой

нашей любви к ней? Может, наша верность и любовь ко всему родному и есть сама Русь, Россия? Ведь нельзя же не признать, если взглянуть строго, что той Руси, которая существовала исторически, ныне уже, как ни желай и как ни жалей, нету!.. А может, она все же есть и ныне такая, какой была, только нами пока не увиденная...» [7, с. 281].

Литература

1. *Васильев, К.* Избранное: Стихотворения, эссе / К. Васильев. – Ярославль, 2003.
2. *Гинзбург, Л.Я.* О лирике / Л.Я. Гинзбург. – М., 1974.
3. *Киселева, Л.* Христианство русской деревни в поэзии Николая Клюева / Л. Киселева // Православие и культура. – Киев, 1993. – № 1. – С. 59 – 76.
4. *Кулешов, В.В.* Славянофилы и русская литература / В.В. Кулешов. – М., 1876.
5. *Прокушев, Ю.Л.* Сергей Есенин. Образ, стихи, эпоха / Ю.Л. Прокушев. – М., 1975.
6. *Роднянская, И.* О новом атеизме / И. Роднянская // Вопросы литературы. – 1991. – № 8. – С. 55.
7. *Романов, А.* Искры памяти / А. Романов. – Вологда, 1995.
8. *Рубцов, Н.М.* Видения на холме / Н.М. Рубцов. – М., 1990.
9. Художественное слово. Временник литературного отдела НКП. – М., 1921. – Кн. 2.

УДК 821. 161.1

Г.Н. Лозовая
Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент В.И. Чудинова

«СИСТЕМНЫЙ БРЕД» КАК СПОСОБ САМОИДЕАЛИЗАЦИИ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ ПОВЕСТИ А.П. ЧЕХОВА «ЧЕРНЫЙ МОНАХ»

В статье рассматриваются формы бреда, образующие бредовую систему главного героя повести А.П. Чехова «Черный монах». Галлюцинации А.В. Коврина классифицируются как «системный бред» с точки зрения патопсихологии.

Бред, бредовая система, галлюцинация, психопатология, интеллект, А.П. Чехов, «Черный монах».

The article considers forms of delusion, forming the delusional system of the main hero of Chekhov's «The Black Monk». A. V. Kovrin's hallucinations are classified as «system delusion» in terms of pathopsychology.

Delusion, delusion system, hallucination, pathopsychology, intelligence, Anton Chekhov, «The Black Monk».

Повесть «Черный монах» (1894), по признанию исследователей, – одно из самых загадочных и «непрочитанных» произведений А.П. Чехова. К осмыслению и интерпретации образов, мотивов, художественной организации повести в разное время обращались В.Б. Катаев, З.С. Паперный, М.Л. Семанова, И.Н. Сухих, С.В. Тихомиров, А.П. Чудаков и другие чеховеды. Однако глубина и неуловимость смысла, некая таинственность образа «черного монаха» и породившей его болезни главного героя, Андрея Коврина, по-прежнему притягивают исследовательское внимание.

Повествование начинается с сообщения о болезни магистра философии Андрея Васильевича Коврина, который «утомился и расстроил себе нервы» [5, VIII; с. 226]. Чтобы избавиться от нервного расстройства, он прожил три недели в уединении в родовой Ковринке, после чего отправился в деревню к знакомым. Здесь, в саду Песоцких, который произвел на магистра «сказочное впечатление», и начинают происходить его ирреальные встречи с незнакомцем – черным монахом.

Абсурдность, ненормальность подобной ситуации изначально сознает сам Коврин. После первой встречи с черным монахом он подавляет в себе сильное желание рассказать о нем Тане и Егору Семеновичу, потому что те наверняка «сочтут его слова за *бред*», и решает «лучше промолчать» [5, VIII; с. 235]. Коврин понимает, что если «этого странного сверхъестественного монаха видел только он один, то значит, он болен и дошел уже до *галлюцинаций*» [5, VIII; с. 235]. Это открытие вначале испугало магистра, но очень скоро он успокоил себя: «…мне хорошо, и я никому не делаю зла; значит в моих галлюцинациях нет ничего дурного…» [5, VIII; с. 235].

Галлюцинация – видение, обман, получившее объяснение в науке как «ложное ощущение чего-либо, не существующего в действительности» [5, VIII; с. 235]. Их появление может быть вызвано наличием у человека какого-либо психического заболевания (например, шизофрении), или заболевания головного мозга (такого как височная эпилепсия или инсульт); кроме того, галлюцинации могут возникнуть после приема некоторых лекарственных веществ или в результате сильных эмоциональных переживаний человека [3, с. 145]. Характер видений бывает различным, они могут быть приятными и неприятными. Галлюцинации Коврина приятны, потому что черный призрак говорит ему об его исключительности, избранности, превосходстве над другими людьми.

Культивирование образа «величайшей гениальности» Коврина началось со слов Тани Песоцкой: «Вы ученый, *необыкновенный* человек» [3, с. 145].